

Журнальные новости.

Материалы некоторых глав «Былого и Думь». «Александр Иванович Герцен и Наталья Александровна Захарьина» (из переписки). — Невольная колония. «Остров Сахалин». Из путевых записок А. П. Чехова. — Эпизод из истории народной жизни на севере. «Выморочное старообрядческое общинничество в конце XVIII и в первой половине XIX столетия». П. А. Шафранова. — Поэтические памятники древности. «Начатки русской литературы» А. Н. Пыпина (Русская Мысль, ноябрь, Русское Богатство, ноябрь, и Вестник Европы, декабрь).

Юношеская переписка А. И. Герцена с Натальей Александровной Захарьиной, ставшей впоследствии его женой, не прибавляет много нового к тому, что известно о жизни писателя в Вятке. Письма, напечатанные в ноябрьской книжке Русской Мысли, писаны в август и сентябрь 1836 года, после не первых уже бесполезных хлопот о возвращении в Москву. Эта неудача тем сильнее поразила Герцена, что надежда долго не покидала его: он «мечтал целые цѣлѣцы» о днѣ свиданія съ близкими, пока, наконец, не убѣдился, что и день, къ которому онъ рассчитывалъ быть на родинѣ, «спойдетъ холоденъ, непривѣтенъ, опять въ той же дали, въ той же Вяткѣ». Въ одномъ изъ писемъ А. И. предается по этому поводу воспоминаніямъ, нелишнимъ интереса для характеристики его настроенія въ ту пору. «Вся моя жизнь, — писалъ онъ Н. А., — представляетъ мнѣ два чувства, два стремленія. Они-то образовали меня и дали силу переносить многое. Я былъ еще ребенкомъ, лѣтъ 12, но какая-то неопредѣленная, горькая мысль заставила меня бросить игрушку; тогда уже щекѣ мои были бѣды и глаза горѣли мыслью и чувствомъ, ибо люди меня встрѣтили обидой, оскорбленіемъ. Но куда ни прикасался я, вездѣ встрѣчалъ одинъ камень, одинъ холодъ или чувство безъ силы и исполненное мелочи... Тогда я могъ погибнуть, тогда я могъ еще броситься въ свѣтскую жизнь, заглушить все, убить все, но Провидѣніе судило иначе: оно дало Огарева мнѣ. И какъ торжественна была минута, когда мы, юноши, дѣти, обняли другъ друга, узнавъ, какъ близки наши души. Это было въ 1826 году на Воробьевыхъ горахъ. Солнце освѣщало всю Москву, вся Москва смотрѣла на насъ. О, какъ радостно билось сердце. Это первое чувство мое — дружба, оно спасло меня, сохранило. Мы дали другъ другу руку и пошли вѣстѣ на всю жизнь. Горькій опытъ снова дотронулся холодною рукою; 1834 года снова возвращаемая внутрь душа ломалась, самая твердость ея приготовляла паденіе,

и ты, ангелъ неба, явилась мнѣ 9-го апрѣля, и я протянулъ мою закованную руку и нѣлъ этотъ свѣтъ, который лился изъ твоихъ очей и... я былъ спасенъ, — это второе чувство — любовь». Герценъ былъ правъ, когда говорилъ своей невѣстѣ, что современемъ по письмамъ къ ней онъ можетъ описать всю свою жизнь. Известно, что это намѣреніе А. И. выполнилъ, изобразивъ въ своихъ запискахъ, между прочимъ, и жизнь въ Вяткѣ; поэтому-то въ перепискѣ, появляющейся теперь въ Русской Мысли, встрѣчается много знакомаго. Но русскому читателю не мѣшаетъ подробнѣе узнать и сырой матеріалъ «Былого и Думь».

Наши читатели уже нѣсколько знакомы съ путевыми записками А. П. Чехова «Островъ Сахалинъ». Въ ноябрьской книжкѣ журнала авторъ ведетъ въ Александровскую ссыльно-каторжную тюрьму: это — одна изъ вершинъ нашей тюремной системы. Первое впечатлѣніе посетителя, по словамъ г. Чехова, благоприятное. На большомъ четырехугольномъ дворѣ, огороженномъ шестью деревянными бараками казарменнаго типа и заборами между ними, примѣрная чистота; не видно ни мусора, ни отбросовъ, ни лужъ отъ помоевъ. Двери у всѣхъ корпусовъ настежь — на Сахалинѣ не такъ ужъ боятся побѣговъ, хотя побѣги и бывають. «Смирно! Встать! раздается крикъ надзирателя. Входимъ въ камеру, — рассказываетъ г. Чеховъ. Много свѣта, окна открыты. Стѣны некрашенныя, занозистыя, съ паклей между бревенъ, темныя; бѣлы только голландскія печи. Полъ деревянный, некрашенный, совершенно сухой. Вдоль всей камеры, посрединѣ ея, тянется одна сплошная нара, со скатомъ на обѣ стороны, такъ что каторжные спятъ въ два ряда, причѣмъ головы одного ряда обращены къ головамъ другого. Мѣста для каторжныхъ не нумерованы, ничѣмъ не отдѣлены одно отъ другаго, и потому на нарахъ можно помѣстить 70 человекъ и 170. Постелей совсѣмъ нѣтъ. Спать на жесткомъ или подстилаютъ подъ себя драные мѣшки, свою же одежду и всякое гнилье, чрезвычайно непривлекательное на видъ». Разный домашній скрабъ по стѣнамъ, подъ нарами и на нарахъ дополняетъ обстановку общей камеры. «На Сахалинѣ, — продолжаетъ авторъ, — свободные, при входѣ въ казармы, не снимають шапокъ. Эта вѣжливость обязательна только для ссыльныхъ. Мы въ шапкахъ ходимъ около наръ, а арестанты стоятъ руки по швамъ и молча глядять на насъ. Мы тоже молчимъ и глядимъ на нихъ, и похоже на то, какъ будто мы пришли покупать ихъ. Мы идемъ дальше, въ другія камеры, и здѣсь та же ужасная нищета, которой такъ же трудно спрятаться подъ лохмотьями, какъ мухѣ подъ увеличительнымъ стекломъ, та же сарайная жизнь, въ полномъ смыслѣ нигилистическая, отрицающая собственность, одиночество, удобства, покойный сонъ». Но есть одно у арестантовъ, живущихъ въ Александровской тюрьмѣ, что скрашиваетъ ихъ жизнь: они не носятъ кандаловъ,

днем могут выходить из тюрьмы без конвоя. Не все, однако, пользуются этими благами сахалинской свободы: подсудимые, недавно возвращенные с бѣговъ и временно арестованные за какія либо провинности помѣщаются въ кандалной. «Входъ въ это страшное мѣсто, — говоритъ г. Чеховъ, — стерегутъ надзиратели, и одинъ изъ нихъ рапортуетъ намъ, что въ кандалной все обстоитъ благополучно... Гремить височій замокъ, громадный, неуклюжий, точно купленный у антикварія, и мы входимъ въ небольшую камеру, гдѣ на этотъ разъ помѣщается человѣкъ двадцать, недавно возвращенныхъ съ бѣговъ. Оборванные, немытые, въ кандалахъ, въ безобразной обуви, перепутанной тряпками и веревками; одна половина головы разломачена, другая, бритая, уже начинаетъ заростать. Все они отошланы и словно обѣзди, но глядятъ бодро. Постелей нѣтъ, спать на голыхъ нарахъ. Въ углу стоятъ «парашка»; каждый можетъ совершать свои естественныя надобности не иначе, какъ въ присутствіи 20 свидѣтелей. Одинъ проситъ, чтобы его отпустили, и клинется, что уже больше не будетъ бѣгать; другой проситъ, чтобы сняли съ него кандалы; третій жалуется, что ему даютъ мало хлѣба»...

Тюрьма не единственная достопримѣчательность Сахалина, съ которою знакомить читателей г. Чеховъ въ ноябрьской книжкѣ *Русской Мысли*. Мы остановимся еще только на одномъ эпизодѣ этого интереснаго разсказа. Ка рѣкъ Дуикъ, Александровка тоже, въ средоточіи сахалинской жизни, есть перевозъ — не лодка и не паромъ, а большой, совершенно квадратный ящикъ. «Капитаномъ этого единственнаго въ своемъ родѣ корабля состоитъ каторжный Красивый, неэманицій родства. Ему уже 71 годъ. Горбится, лопатки выпятились, одно ребро сломано, на рукѣ нѣтъ большого пальца и на всемъ тѣлѣ рубцы отъ плетей и шнуртеновъ, полученныхъ имъ когда-то». Исторія Красиваго весьма несложна: въ 1855 г. онъ бѣжалъ изъ военной службы «по глупости», былъ пойманъ, назвался непомятши и отправленъ въ Забайкалье. «Я тогда думалъ, — разсказывалъ онъ, — что въ Сибири люди полъ земель живутъ, взяли и убѣжалъ по дорогѣ изъ Тюмени. Дошелъ до Камышлова, тамъ меня задержали и присудили, ваше высокоблагородіе, на 20 лѣтъ въ каторгу и къ 90 плетямъ. Послали въ Кару, въѣхали тамъ эти самыя плети, а оттуда сюда на Сахалинъ въ Корсаковъ; я изъ Корсакова бѣжалъ съ товарищемъ, но дошелъ только до Дуи: тутъ заболѣлъ, не смогъ идти дальше. А товарищъ до Благовѣщенска дошелъ. Теперь ужъ я отслуживаю второй срокъ, а всего живу тутъ на Сахалинѣ 22 года. И преступленія моего было всего, что изъ военной службы ушелъ. — За чѣмъ же ты скрываешь свое настоящее имя? Какая надобность? — Лѣтось я скрывалъ чиновнику свое имя. — И что же? — Да ничего. Чиновникъ говоритъ: «Пока правки дѣлать будутъ, такъ ты помирай. Живи и такъ. На что тебѣ?» Это правда, безъ ошибки... Все равно жить не

долго. А все-таки, господинъ хорошій, родные узнали бы, гдѣ я. — Какъ тебя зовутъ? — Мое здѣшнее имя Игнатъ Василій, ваше высокоблагородіе. — А настоящее? Красивый подумалъ и сказалъ: — Никита Трофимовъ. Я Скопинскаго уѣзда, Рязанской губерніи... Сталъ я переправляться, — разсказываетъ г. Чеховъ, — въ корбочкѣ черезъ рѣку. Красивый упирается длиннымъ шестомъ о дно, и при этомъ нагирается все его тѣло, костистое тѣло. Работа нелегкая. — А тебѣ небось тяжело? — Ничего, ваше высокоблагородіе, меня никто въ шеню не гонитъ, я легонько... Онъ разсказываетъ, что на Сахалинѣ за все 22 года онъ ни разу не былъ съченъ и ни разу не сидѣлъ въ карцерѣ. — Потому что посылаютъ лѣсъ пилить — иду, даютъ вотъ эту палку въ руки — беру, велятъ нечи въ канцелярію топить — топлю. Повиноваться надо. Жизнь, нечего Бога гнѣвить, хорошая. Слава тебѣ Господи»...

Суровый и далекій уголокъ, который рисуетъ г. Чеховъ въ своихъ путевыхъ запискахъ, превращается дѣбною большихъ усилій въ человѣческое поселеніе совершенно особеннаго типа. Въ ноябрьской книжкѣ *Русскаго Богатства* закончена любопытная статья П. А. Шафранова, повѣствующаго о судьбахъ другой колоніи, тоже въ суровомъ и нетронутомъ краѣ, на сѣверѣ нашего отечества, но создавшейся не по принужденію и явившей рѣдкій примѣръ широкаго развитія промышленности на общинно-артельномъ началѣ среди непривѣтливой природы. Въ Олонецкой губерніи болѣе полутора столѣтія существовало выговское старообрядческое общежительство. Оно достигло громаднаго значенія и вліянія: это былъ «безпоповскій Іерусалимъ». «Выговское общежительство, — говоритъ г. Шафрановъ, — по значенію его въ сѣверномъ краѣ можно сравнить съ Соловецкимъ монастыремъ на Бѣломъ морѣ. Религиозно-нравственное значеніе послѣдняго было безъ сомнѣнія шире, чѣмъ перваго, но за то для экономическаго развитія было больше средствъ у выговскаго общежительства, такъ какъ природа, окружавшая его, была менѣе сурова и бѣдна, сообщенія съ другими частями государства удобнѣе, а главное, было больше простора — больше земли». Лучшее время выговскаго общежительства продолжалось отъ начала царствованія Екатерины II до начала царствованія Императора Николая. Бѣдствія же олонецкихъ старообрядцевъ восходятъ только къ 1835 году, когда въ Олонецкую губернію былъ командированъ чиновникъ Хомутовъ для собранія свѣдѣній о раскольникахъ въ сѣверномъ краѣ и представилъ свое мнѣніе о мѣрахъ къ ослабленію раскола. «Свѣдѣнія, сообщенныя Хомутовымъ, — говоритъ авторъ статьи *Русскаго Богатства*, — страдаютъ, какъ и многія другія, предвзятымъ взглядомъ и невѣрностью фактовъ. По его донесенію, общежительство владѣло лучшими и въ значительномъ количествѣ землями, угодьями и рыбными ловлями, тогда какъ прочіе крестьяне терпѣли недостатокъ въ

Б-инъ

Б-инъ.